

Виктория Ленц

«Та самая!» — кострелыня на Чумбаровке



Виктория Ленц

**«Та самая!» – кофейня
на Чумбаровке**

«Автор»

2026

Ленц В.

«Та самая!» – кофейня на Чумбаровке / В. Ленц — «Автор»,
2026

Владислав понимал, что жить в доме, где он видит лишь половину обитателей, будет сложно. А как насчёт того, чтобы открыть с ними бизнес? К такому жизнь его точно не готовила. Только теперь в его кофейне на кухне орудует домовой, «вчерашнее» воровал не голубь, а игоша, да и кроме толпы студентов днём, после закрытия кофейни к нему приходит «своя» своеобразная клыкастая и ушастая публика...

© Ленц В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1: Начало	5
Эпизод 2: Доставка домовых	12
Эпизод 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

«Та самая!» – кофейня на Чумбаровке

Эпизод 1: Начало

Владислав понимал, что жить в доме, где ты видишь не всех его обитателей, будет сложно. Пожалуй, он не рассчитывал, насколько. Хотя, честно признаться, когда Владислав появился на пороге дома своего бабушки, он особенно ни о чём не думал. У него было то странное состояние, когда голос в голове вдруг замолчал, но в любом отражении — будь то случайная витрина машины или чьё-то окно — он видел «это». «Это» уже было не так напугано, но всё так же осторожно молчало и всматривалось в него в ответ.

И когда он решил остаться навсегда, Владислав тоже не думал. Просто прикинул, что тех денег, которые у него были, как раз хватит, чтобы выкупить половину дома. О том, как они будут копить на вторую половину, он тогда тоже не думал.

Вспоминая всю ситуацию через пару месяцев, Владислав удивлялся самому себе. Несколько недель подряд у него получалось вообще ни о чём не думать. То есть он вставал, просыпался, думал о том, что приготовить на завтрак, о том, что стоит сходить в магазин за продуктами. Но все его мысли заканчивались ближайшими десятью минутами. Через десять минут, например, я пойду в магазин. В течение этих десяти минут мне нужно свернуть туда, туда и ещё раз туда.

Всю жизнь ему никогда не удавалось остановить своё сознание — он всегда думал наперёд. Ничего не оставлял на простое «авось» — всегда просчитывал дальнейшие шаги, будто играл партию в шахматы. Он знал свой ход далеко вперёд. А здесь пару недель в нём будто что-то переклинило, и Владислав просто перестал думать.

Впрочем, именно поэтому он и оказался в текущей ситуации.

— Митрофан, — спокойно повторил Владислав. Он упёрся руками в столешницу, не знал, куда смотреть, поэтому смотрел в стену перед собой. — Митрофан, пожалуйста, верни мне венчик.

Этим утром Владислав решил испечь пирог, который, как оказалось, любил дядька Савельич. Характер у него был скверный, но Владиславу иногда казалось, что лучше всех тот относился к Владимиру Георгиевичу и почему-то с первого дня неплохо отнёсся к самому Владиславу. А вот его бабушку, Николая Геннадьевича, Савельич как будто на дух не переносил. Он редко оставался с ним в одной комнате и постоянно ворчал, хотя Владислав не знал, что между ними произошло. Пока не знал — но обязательно собирался спросить.

Впрочем, Владислав не был полностью уверен, что это действительно любимый пирог дядьки Савельича. Но однажды, возвращаясь из супермаркета, он случайно купил такой — не собирался заходить в пекарню, но был уже вечер, и пироги выставили на прилавок с огромной скидкой: они были сегодняшние, а до закрытия оставалось меньше часа. Владислав купил кусок, и Савельич как будто немного улыбнулся, когда достал его из пакета. А ещё он съел весь кусок — хотя по размеру тот явно предназначался как минимум на двоих.

Рецепт Владислав нашёл в интернете. Помянуя, что бабушка рассказывал, будто дядька Савельич намного старше, чем выглядит, Владислав скачал поваренную книгу, изданную в 1992 году. Если понравится — найдёт издание постарше. «Северная кухня» была первой, которую можно было скачать, если искать рецепты русского Севера.

— Митрофан, пожалуйста, — по-прежнему спокойно, но уже теряя терпение, повторил Владислав, кажется, в четвёртый раз. — Он мне нужен, чтобы приготовить вкусный пирог. Я обязательно оставлю тебе кусок, но, пожалуйста, верни мне венчик.

— Он не знает, что такое венчик, — хмуро сказал Савельич.

Владислав резко обернулся и увидел, что тот стоит в дверях, скрестив руки на груди.

— Твой дедуля-пожиратель его не научил, — Савельич сунул палец в рот и резко свистнул. — Эй, окаянный, верни парню ту штуку, которую ты у него умыкнул!

Владислав не знал, куда смотреть, поэтому примерно повернулся туда, куда глядел Савельич.

За те несколько недель, когда Владислав почти не думал, он так и не решил, какое впечатление на него производят действия жителей дома, которых он не видел. Как объяснял дедушка, Владислав был человеком. Всё это было сложно принять — но не когда «оно» творилось буквально у тебя на глазах.

Владислав дедушке верил. Но так вышло, что разный дар был у всех в доме, кроме него, — и по документам они все значились как «нечисть». Владислав родился человеком, и дополнительное удостоверение с графой «нечисть» ему не полагалось.

Он верил. Иногда краем глаза он замечал движение, тень — которую легко можно было списать на игру света, блики от окна или отражение проезжающей по улице машины. Но Владислав знал, что это не так.

Иногда предметы в доме просто оказывались в другом месте. Он был абсолютно уверен, что вчера положил, например, вот эту большую деревянную ложку — ею он отмерял сухие ингредиенты для выпечки — вон туда. Он даже сфотографировал её перед тем, как выйти из кухни. После этого на кухне никого не было: все давно ушли спать, ещё до того, как Владислав вышел. Утром ложка лежала совершенно в другом месте.

Бывали моменты, когда предметы двигались, пока Владислав на них смотрел. Если очень верить и вглядываться, можно было почти различить очертания — не маленького человечка, а скорее шарика или кубика размером с маленького человечка. Но очертания быстро растворялись в воздухе.

Сейчас венчик полз по столешнице совершенно отчётливо.

Савельич фыркнул и вышел.

— Спасибо, — Владислав старался смотреть куда-то в сторону, где должен быть Митрофан.

В процессе готовки у него своровали ещё несколько ягод, потом кто-то явно макнул то ли нос, то ли лапку в сырое тесто и размазал капли по всей столешнице.

Владислав не злился. Если у него воровали какие-то предметы, он считал это забавным. Будто в доме был какой-то шаловливый питомец, который иногда понимал, а иногда не понимал человеческую речь. А ещё здесь он как будто чувствовал себя легче, словно груз, который столько лет носил на своей спине и сам взвалил на плечи, просто исчез. Остался лишь Владислав. Голос в голове тоже остался, но его отражения притихли.

К тому же в доме было очень мало зеркал — а какие были, потемнели от времени. Владимир Георгиевич приводил в порядок лишь деревянную мебель, с которой умел обращаться. Зеркала он мыл и чистил, но толком не трогал. Владиславу впервые стало легче дышать в доме, где большинство поверхностей ничего не отражали. Здесь была старинная деревянная мебель, деревянные полы, матовые обои на стенах; на втором этаже потолки тоже были деревянные. На первом же они были чем-то отделаны, кажется, штукатуркой.

В ванной было зеркало, но Владислав старался в него не смотреть. Только если разглядывал фингал, который проходил удивительно долго. Впрочем, у него всю жизнь никогда не было фингала, поэтому он понятия не имел, сколько времени он должен проходить. Обычный синяк прошёл бы намного быстрее.

Владислав не винил девушку, которая поставила ему фингал под глазом. Он выглядел действительно страшно, и на улице было темно. У него была перебита рука — в аэропорту это сделали хорошо, но бинты всё равно слегка запахались кровью. Одет он был странно; и сумки у него не было, что позволило бы списать это всё на «дикого туриста».

Шальной взгляд, и в тёмном узком переулке он подошёл к ней со спины — конечно, она ему врезала! Она едва доставала макушкой до его плеча, поэтому Владислав до последнего не чувствовал угрозы. Он не смотрел, ни о чём не думал, просто шёл вперёд, потому что карта говорила: «сто метров прямо, потом поверните направо».

Девушка ударила его в живот, но не сильно. Владислав согнулся пополам от удивления, она тоже это быстро поняла — и сильно ударила в глаз. Кажется, целилась в нос. У неё были слишком яркие для темноты зелёные глаза. Потом она рванула бежать. Не кричала, не пыталась снова ударить — просто развернулась и помчалась со всех ног. Владислав даже не пошёл за ней. Он держался за живот, который не болел, и чувствовал, как сильно болел глаз. Простоял так несколько минут, а потом, будто опомнившись, потрогал глаз и прошёл оставшиеся восемьдесят метров прямо, после чего повернул направо.

Кофейню Владислав открыл, казалось бы, абсолютно случайно. Он любил кофе, любил готовить кофе. На тот самый «кофейный напиток», как называл его Владимир Георгиевич, который так любил Николай Геннадьевич, Владислав даже смотреть не мог. Поэтому первым делом он купил самую обычную турку. Даже не гейзерную, ведь Владислав любил сам процесс, когда кофе варится, а ты смотришь на него и вдыхаешь яркий аромат. Присматривать, конечно, нужно было внимательнее, но Владислав как раз любил этот процесс.

Уже после первой чашки безумно счастливыми в доме были двое: Владислав и, как оказалось, Владимир Георгиевич, который тоже очень любил по-настоящему хороший кофе, но и с кофейным напитком готов был смириться, если никто не будет спорить, что это тоже кофе. Савельичу кофе тоже понравился. Они оставляли меньше половинки чашечки эспрессо для домовых — это была идея Владислава. Дядька Савельич ворчал и закатывал глаза, но раз Владимир Георгиевич придумал иногда делиться с Евфимием сигаретами, потому что тому очень нравился запах, — почему бы не познакомить их с кофе? Савельич ворчал: мол, домовым положено оставлять молоко, сливки, конфеты, на худой конец булочку, а они их разбаловали сигаретами и кофе. Но мешать Владиславу и Владимиру Георгиевичу он не пытался, поэтому оба решили, что дядька Савельич просто ворчал, потому что он ворчал по любому поводу.

Владислав мог готовить кофе по-разному, делал это каждое утро. Иногда и после обеда, когда они до ужина ели различные угощения. В какие-то дни Владислав добавлял специи: иногда только палочку корицы, иногда составлял букет из нескольких, намного интереснее. Пару раз готовил кофе с апельсином. Пока что публика принимала любой кофе довольно радостно, Савельич бурчал, но улыбался уголками губ и всегда выпивал до последней капли. Владислав уже понял, что слушать, о чём ворчит Савельич, нужно, но не слышать буквально его слов — в этом была значительная разница. Его нужно выслушать, но не следовать тому, что сказал дядька Савельич.

Кофе всегда был очень ароматный, и вот одним днём Владислав пил его на улице. Он взял с собой складной стаканчик, уже вышел за калитку, когда рассеянно заметил, что забыл крышку. Развернулся, чтобы вернуться в дом, как на него буквально напала какая-то девушка. Ей, может, и лет восемнадцати не было, у неё были короткие растрёпанные волосы, которые едва ли не торчали во все стороны. В глазах её был такой потерянный ужас, именно потерянный, будто она не помнила, кто она, зачем она, где она, — но с ней случилось что-то настолько ужасное, что всё её лицо перекошило.

Она на полной скорости вцепилась во Владислава обеими руками. Он ей не угрожал, но не понимал, почему незнакомка так обняла его. Он разве что поднял руки, в одной из которых был как раз открытый стаканчик.

— Пожалуйста, поделитесь со мной вашим кофе, — девушка бормотала в каком-то бреду, но её голос звучал настолько слабо, будто она умирает или вот-вот потеряет сознание.

Владислав всё-таки был внуком врача, поэтому приблизительно понимал: кофе повышает давление. Благо никто из пожилых людей в их доме этим не страдал, и все обожали кофе. Так вот, если кофе повышает давление, а у девушки оно очень низкое, она действительно могла потерять сознание прямо перед Владиславом — значит, нужно срочно поделиться. Владислав продумал всё за секунду и сразу протянул весь стаканчик; ему совершенно не жалко.

Девушка схватила его, будто собиралась выпить залпом. Сделала пару глотков, а потом её лицо полностью изменилось. Теперь это была какая-то растерянная, блаженная улыбка; она широко распахнула глаза, открыла рот, посмотрела на кофе, потом на Владислава, потом снова на кофе.

— Он просто великолепный, — выдохнула она. — А вы бариста? Где вы работаете?

Теперь она вцепилась во Владислава одной рукой, будто подумала, что после этого вопроса он убежит. В её взгляде появилась какая-то одержимость.

Владислав почти ответил, что на самом деле он владелец риелторской фирмы, но потом вспомнил, что за эти пару недель, когда он не отчитывался, он продал фирму. Фактически сейчас он был никем, разве что готовил и варил кофе для обитателей дома, и всё чаще думал о забытой детской мечте.

— Вообще я пекарь, — Владислав был в ужасе от того, как легко соврал, но это чуть позже, а сейчас он не отдавал себе отчёта. — Я недавно сюда переехал, но в моей пекарне тоже будет кофе.

Девушка издала такой блаженный звук, когда допила ещё пару глотков, что Владиславу даже стало стыдно. На них обернулся какой-то прохожий, но они вроде бы ничего не делали, просто стояли посреди улицы.

— А где? — девушка сделала ещё небольшой глоток, уже забыла, что собиралась выпить весь кофе, и явно наслаждалась каждой каплей.

Владислав указал назад — он как раз стоял перед их домом.

Девушка приподнялась на носочки, вытянула шею, рассматривая старенький знак улицы. Его, к слову, не помешало бы помыть. Владислав впервые заметил, что, отремонтировав дом изнутри, Владимир Георгиевич ещё не добрался до внешней части. Но улицу и номер было видно; девушка успешно вытащила телефон из кармана, приблизила и щёлкнула на память.

— Я обязательно приду, — выпалила она, допив оставшийся кофе и отдав стаканчик Владиславу. — Мы всей группой придём, — она говорила всё громче, и к концу уже кричала на пол улицы. В глазах светилась такая одержимость, что Владиславу на мгновение стало страшно: она словно сошла с ума.

Но девушка рванула от него дальше по улице. Он сначала не хотел за ней бежать, но любопытство победило. К тому же она вовсе не смотрела на него, по крайней мере с самого начала. Когда увидела, остановилась.

— Мы откроемся только через месяц, — сказал Владислав первое, что пришло ему в голову.

Она расстроено вздохнула, но потом агрессивно закивала. Владислав в который раз испугался, что её голова просто отвалится. Но девушка осталась в порядке, и они остановились у здания, на котором висела вывеска «Архангельский техникум строительства и экономики». Она помахала Владиславу и скрылась внутри.

Владислав знал, сколько нужно документов, чтобы открыть собственное дело, и знал, как этим делом управлять. Но он даже представить себе не мог, сколько дополнительных бумаг нужно оформить, чтобы открыть заведение, которое продавало еду.

Дядька Савельич знал. И в первый день, когда Владислав подавал документы, ему с такой усмешкой сказали, что он забыл такую-то и такую-то форму, о которых Владислав ничего не знал. Дядька Савельич каким-то образом не только прошёл за ним в здание, но и буквально

возник у него за спиной. Владислав не звал его и не говорил, когда именно пойдёт, только что нужно оформить эти бумаги. Он даже подскочил, не ожидая, что Савельич окажется за его спиной и положит руку ему на плечо. Дядька Савельич вообще старался никого не касаться, а тут ещё и когда Владислав совсем не заметил.

Усмешка тут же спала с лица женщины. Савельича она узнала.

— Ты на столе дома забыл, внучок, — с совершенно серьёзным видом выдал дядька Савельич.

Глаза женщины стали ещё крупнее, хотя казалось, куда уж там. Если до этого она сама приподняла брови, то теперь её брови переползли весь лоб куда-то ближе к волосам, стянутым в тугую шишку.

Владислав быстро понял, что все последующие инспекции он прошёл так быстро и ему помогали просто потому, что не хотели, чтобы за ним пришёл Савельич. Во всех документах, которые ему проверял дядька Савельич, не нашли ни одной ошибки, но Владиславу всё больше казалось, что они и не пытались.

Потому что, выходя из первой организации, Савельич обернулся к той самой тётке и сказал:

— У вас на втором стенде, на правой стене, когда заходишь на этаж, висит устаревший образец бланка, в такой форме его отменили уже три месяца назад. — Савельич цокнул языком и покачал головой. — Как нехорошо получается. Вы случайно забыли поменять или упустили, что теперь в этой форме на четвёртой странице шестая строка сверху оформляется иначе?

Тётка испуганно икнула. Савельич вышел, не оборачиваясь, и Владислав поспешил следом.

Владислав всё-таки посмотрел назад: к тётке выбежали какие-то коллеги, в суете пытались поменять бланк, но не вытащили его из файла на доске, а случайно сорвали всю фанерную доску, и она упала на какого-то бедолагу.

Савельич хмыкнул, но молчал, пока они не отошли от здания.

— Ведь с их образцами всё в порядке, — сказал он, оборачиваясь к Владиславу. — Но за обновлениями в форме документов они всё-таки не следят, раз не были в этом абсолютно уверены.

Владислав рассмеялся не сразу, ему было страшно.

Позже, когда сначала Софа, так звали девушку, а потом её группа, а потом, кажется, чуть ли не весь техникум стали его постоянными посетителями, они рассказали Владиславу, что в тот день в техникуме сломалась кофемашина. Их группе как раз нужно было подготовить какую-то работу для самого строгого преподавателя. Софа просидела с ней всю ночь, у них в общежитии сломался чайник, поэтому она не смогла заварить себе кофе, но рассчитывала на кофемашину в здании. Пришла туда, увидела, что она сломана, и тут у Лизы началась истерика, и с криком, как рассказали остальные: «Если я хотя бы не понюхаю кофе, я сейчас потеряю сознание!» — она выбежала на улицу.

Все в целом понимали, что остальные кофейни, которых было предостаточно вдоль улицы, в это время ещё были закрыты. Если бы она побежала в противоположную сторону, там был бы ларёк с кофе на вынос, но Софа свернула направо, а не налево, и возвращаться было слишком далеко. Зато так она познакомилась с Владиславом, чему были рады и сама Софа, и её товарищи.

Новость о кофейне разлетелась быстро, ведь кроме того, что здесь был очень вкусный кофе и выпечка, здесь ещё и обслуживали «своих». Кроме техникума, который занимал все столики утром, а иногда и в обеденный перерыв, свои обычно появлялись ближе к вечеру. Первый раз они увидели, как Савельич поздоровался с Владиславом за прилавком и просто про-

шёл через кофейню, прихватив булочку, куда-то во внутреннее помещение. Они не стали пробивать ещё одну дверь в доме, а переоборудовали вход так, чтобы он сначала вёл в кофейню, а через подсобку можно было пройти в остальную часть первого этажа или к лестнице на второй.

Но то, что дядька Савельич жил в этом доме, могло отпугнуть «своих» посетителей. Как выяснилось, с ним плохо ладили не только люди, но и нечисть. Хотя его присутствие их чем-то успокаивало — такой уж он противоречивый. Вроде как, если он здесь есть, значит, «своих» за странности здесь не обижают. Но с другой стороны, если он здесь, значит, он сам может придраться по какой-то мелочи. А все хотели есть, пить вкусный кофе и не разбираться с документами, у которых на четвёртой странице, шестой строке сверху, что-то было не так написано.

— Митрофан, положи, пожалуйста, на место то, что ты только что поднял, — однажды сказал Владислав, не оглядываясь.

Полная кофейня «своих» притихла. Владислав понимал, что для них он «пах человеком», как ему едва ли не в первый день передал от Евфимия — Владимир Георгиевич. Как можно «пахнуть» человечиною? Видимо, как пахла свинина или говядина. В общем, Митрофана Владислав не видел, но научился «слышать» — слышать шаги, которых он не видел, замечать движение, которое не мог увидеть.

И в тот день Митрофан пытался стащить грязный стакан, который стоял на столешнице за Владиславом.

Все перестали есть и смотрели на Владислава.

— Евфимий, подойдёшь сюда? — позвал Владислав внутрь дома.

Второй домовой вышел. Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы все посетители пришли в движение. Теперь кофейня Владислава стала местом «своих» по-настоящему. Кто-то сразу убрал с лица волосы, обнажая острые уши, кто-то выпустил когти, другие оскалились. Все черты были достаточно выражены, чтобы человек, взглянув на них, удивился, но не заподозрил, что перед ним — не люди. Бабушка со странным острым маникюром, девочка с яркими линзами, парень, выкрасивший волосы в зелёный и явно переборщивший с гелем для укладки...

Но теперь они не скрывались перед Владиславом, и он даже вешал табличку «закрито» в пять вечера, чтобы до семи в кофейне собирались только свои...

— Закрито ведь, — буркнула Индира, когда её подруга подвела её к кофейне.

Вывеска гласила «Та самая!», что само по себе было достаточно глупо. Та самая что? Или как пригласить сюда друзей: мол, пойдёте в ту самую кофейню на Чумбаровке? Так обязательно ведь спросят, какая именно кофейня, как вообще так можно было назвать заведение?

Но табличка на двери сообщала очень чётко: кофейня открыта с 8 утра до 5 вечера.

— Смотря для кого, — хмыкнула Маша. Они работали вместе в областной поликлинике, где врачом была мать Индиры. — А для своих они закрываются в семь. Кофе здесь просто божественный.

Маша постучала в дверь два раза, а потом подождала чуть-чуть и ещё один. С той стороны брякнул колокольчик, и дверь им действительно открыли. Разве что никого Индира не увидела: к ручке была привязана верёвка с палкой на конце, которую, стоя на тумбочке, держал... важный домовой. Он гордо кивнул обеим девушкам, прыгнул на пол и побежал к прилавку. У кассы их встречал...

— Это вы?! — закричала Индира.

Парень растерянно моргнул пару раз и узнал её не сразу. Но узнал.

— А, это вы, — сказал он.

Маша удивлённо посмотрела сначала на Индиру, а потом на парня.

— Откуда ты уже знакома с Владиславом? — Индира не поняла почему, но её подруга заметно постарелась.

От вопроса стушевалась уже сама Индира. Потому что она легко могла признаться кому угодно, что ударила человека, который преследовал её в тёмном переулке. А вот признать, что она ударила человека, который ей {показалось} преследовал её, но как только она его ударила, поняла, что ошиблась, и убежала, потому что ей стало стыдно, — было сложнее. Парень, кажется, всё это время не замечал её и просто шёл вперёд, никого не трогая, а у неё выдалась особенно нервная смена, вот она и ударила его. Вообще, наверное, бить людей нехорошо, если ты работаешь в травматологии. Только работы себе добавлять...

Но, видимо, парень был отходчивый, потому что он только рассмеялся и развёл руками.

— Тебе как обычно? — улыбнулся он Маше. После чего взял с прилавка меню и протянул его Индире. — Если не найдёшь того, что хотела бы, я могу приготовить почти любой напиток. Из всех ингредиентов, которые у нас есть, разумеется.

Маша улыбнулась ему в ответ.

— Мы случайно столкнулись, — продолжил Владислав, — я никогда даже не говорил с твоей подругой, только внешне её узнал. Недалеко отсюда, я тогда настолько устал, что не смотрел, куда иду, и случайно сбил её с ног.

Его история была настолько далека от правды, что Индира еле удержалась, чтобы не фыркнуть. Но в итоге заказала кофе и взяла киш. Пока они с Машей сидели за столиком, Индира обратила внимание, что строить глазки или откровенно заигрывать с Владиславом — было занятие практически всех женщин, которые сюда заглядывали. Причём это происходило независимо от возраста: разве что некоторые делали это на полном серьёзе, как, например, Маша. Бабулечки скорее восхищались, какой красивый молодой человек, какой вежливый и, главное, как хорошо он готовил.

И действительно, «Та самая!» кофейня на Чумбаровке после пяти вечера до семи работала только для своих. Когда свои могли снять маску и быть самими собой.

Эпизод 2: Доставка домашних

Владислав открыл свою кофейню в самом начале ноября. Как ему сказали – зимой. Сейчас Владислав стоял на кухне и смотрел в окно, медленно помешивая палочкой корицы в сваренном на плите кофе.

В конце апреля на улице по-прежнему была зима, крупные снежинки кружились в воздухе, оседая на деревянный подоконник, а некоторые врезались в стекло, оставляя за собой мокрые следы. Владислав представлял, что зима здесь будет намного длиннее, чем он привык, но к такому, пожалуй, готов не был. Зато теперь ему стало понятно, почему так ворчал Савельич, который в ноябре велел Владиславу «не трогать до конца зимы» один сундук – и поэтому когда Владислав полез за ним на чердак в марте, Савельич изрядно разозлился. Теперь Владислав понимал, что «до конца зимы» – означало не раньше мая. Он покосился на батарею. А может, если центральное отопление отключали лишь с первого июня, то до июня. Опять же, «если», потому что наверняка Владислав не знал.

Владислав аккуратно отлил немного кофе в маленькую кофейную чашечку. В доме – тоже его рук дело, потому что сколько он помнил, его дедушка всегда предпочитал огромную кружку подходящей для напитка чашке. Владимир Георгиевич, хоть и обладал вкусом к кофе, такой педантичностью к посуде всё равно не отличался. Поэтому, учитывая, что для кофейни понадобилось купить необходимые сервизы, Владислав оставил пару чашек и в личное пользование. Например, как эти две чашечки для эспresso, которые он использовал, придумывая новые вкусы. Например, как сейчас.

За его спиной что-то брякнуло. Владислав не спешил обернуться, он уже знал наверняка – всё равно не увидит. Ему было сложно привыкнуть, что в доме были обитатели, которых он никогда не сможет увидеть. Он даже как-то уговорил Евфимия надеть бумажную шляпку, но Владислав увидел лишь, как сложенный им лист бумаги лежал на столе, а потом исчез. Пока Владислав на него смотрел, шляпка оставалась на месте. Но стоило моргнуть, она вдруг просто растворилась. Евфимий надел её на голову, и Владислав будто потерял из виду бумажную шляпку... Когда он отворачивался, он замечал её краем глаза, но когда смотрел – она снова пропадала. То же самое происходило с предметами, если Евфимий брал их в руки, например, вилку – то Владислав видел, как вилка лежала на столе, но никогда – как она была в руках Евфимия, никогда предметы не летали в воздухе сами по себе. Сколько Владислав ни верил, сколько ни пытался, он всё равно не видел движения.

Так они абсолютно точно убедились, что без какого-либо дара, а Владислав абсолютно точно был просто человеком, он домашних не увидит. В другой раз Митрофан кинул в Владислава один из своих деревянных кубиков, его воспитывали заново, будто ребёнка, так что и игрушки у него были детские. Зато в целом Митрофан вёл себя вполне осмысленно, пускай и не без капризов, какие могли бы быть у ребёнка. Так вот, Владислав увидел, что кубик лежал на полу, когда отвернулся, краем глаза заметил какую-то тень, а потом уже почувствовал, как кубик врезался в его ногу. Но никакого промежуточного состояния, его это удивляло больше всего. Владислав не видел домашних, он видел тени, а предметы, которых они касались, он видел будто в стоп-кадре. Лежал здесь, теперь не там. К подобному можно было привыкнуть, просто в жизни это Владиславу ничем не помогало.

Сейчас он был уверен, что на кухне он не один. Может, он и не видел, где конкретно находился Евфимий, но был почти уверен, что это именно он, а не Митрофан. Присутствие Митрофана всегда ощущалось... «громче», да и вёл он себя не настолько прилично. Хотя кое-что Владислава всё-таки насторожило. Он добавлял в кофе разные специи, пробуя на вкус каждый шаг, пытаясь придумать новые сочетания для наступающего лета. Хотелось что-то лёгкое,

но яркое, с какой-то горчинкой или, наоборот, чем-то острым. Что-то такое, чтобы напоминало о жаре, лете, солнце.

Владислав остановился. Он начал сомневаться, что с ним на кухне находился Евфимий, а не Митрофан, потому что шорох за его спиной был каким-то невыразимо настойчивым.

А потом всё вдруг затихло. Владислав заметил, как приоткрылась дверь, а он закрывал дверь чуть плотнее, оставив щель, но не настолько широкую. Владислав вздохнул, выключил плиту, снял турку и пока лишь отставил в сторону. Сам пошёл за домовым, кто бы из них это ни был. Его насторожило, что домовый вернулся не в дом, не в те комнаты, которые были личной частью – нет, он ушёл в кофейню. Они пока были закрыты, в шесть утра к ним не заглядывали даже самые настойчивые. Но они вечером убирались и готовили всё для посетителей на следующий день, поэтому Владислав не понимал, зачем любой из двоих домовых пошёл бы в кофейню сейчас. Ни сладостей, ни кофе там ещё не было.

Владислав стоял в дверях и смотрел, как кто-то бродил по помещению. Он не видел движения, не видел, как кто-то отодвигал стулья, но обращал внимание, что ещё мгновение назад мебель стояла иначе. Владислав не видел, но мог представить.

– Что-то случилось? – спросил он единственное, что напрашивалось на ум.

Движение прекратилось. Владислав покачал головой и пошёл обратно на кухню, пока кофе не остыл, его не стоило оставлять без присмотра. Хватило им одного случая, как Савельич случайно обжёг руку о турку. Тот случай он припоминал Владиславу всю зиму.

Домовой последовал за ним, значит, это всё-таки был Евфимий. Митрофан подобной сознательностью не отличался. Владислав специально не оборачивался, он всё равно не мог увидеть, но, как они успели выяснить, с домовыми он всё равно мог общаться. Евфимий часто носил с собой небольшой блокнот и карандаш, вернее, даже обрубок карандаша, которым он сейчас что-то быстро писал, звук скрежета карандаша по бумаге Владислав тоже отлично слышал.

Наконец, звук прекратился. Владислав обернулся, замечая на столе вырванный листок бумаги, которого там точно раньше не было. У Евфимия был аккуратный, но чересчур витиеватый почерк. Он ещё активно пользовался устаревшими словами и добавлял твёрдые знаки, как раньше было положено. Владислав знал, что его дедушка пытался переучить домового, из этого что-то даже выходило, но явно не сразу: поэтому сейчас половина слов была написана на старый манер с твёрдым знаком, а у другой половины, где на старый манер знак тоже должен был бы быть, его не было. Впрочем, прочитать короткую записку Владислав мог вполне легко.

«Роза Семёновна забыла. Непорядок. Нужно вернуть.»

Владислав посмотрел вниз, и на том месте, где только что была лишь записка, увидел серёжку. Он взял её в руки, чтобы рассмотреть поближе. Это была золотая, достаточно крупная драгоценная серёжка. Красные камни точно были рубинами, а вот более мелкие светлые камни могли быть как бриллиантами, так и чем-то дешевле, Владислав не настолько хорошо разбирался в ювелирных украшениях, хотя что-то и понимал.

– Она уронила её, когда вчера заглянула за кофе? – догадался Владислав, но всё-таки спросил у Евфимия, чтобы уточнить.

Евфимий один раз стукнул карандашом по столешнице. Это был знак, они договорились использовать его для простых вопросов. Владислав слышал Евфимия, пускай и не видел. Один стук означал «да», два стука подряд – «нет». На что-то более сложное они пока придумывать не стали, и когда Владимир Георгиевич в шутку, а может, и на полном серьёзе предложил научить Евфимия азбуке Морзе, тот в ужасе отказался.

– Давай уберём в укромное место, а когда она снова придёт, обязательно отдадим, – предложил Владислав.

Он уже даже шагнул, чтобы отнести серёжку к себе в комнату. Евфимий стукнул два раза. Подождал и ещё два раза. Владислав понял, что это было не просто «нет», а какое-то особенно сильное «нет».

– Она часто к нам заглядывает, не каждый день, но, думаю, завтра мы её увидим, – спокойно напомнил Владислав.

Он не хотел спорить с домовым, но его настойчивости не понимал. Раздалось шуршание по бумаге. Владислав закрыл глаза, они поняли, что если он будет продолжать смотреть в ту точку, где должен появиться листок бумаги, то пока он не отвернётся, не моргнёт и хоть как-то не перестанет смотреть – ничего никогда не появится.

Когда шуршание карандаша по бумаге прекратилось, Владислав открыл глаза и подобрал второй листок.

«Непорядок. В доме чужая вещь. Непорядок. Чужое нужно вернуть.»

Владислав догадался, что с Евфимием спорить бесполезно. Он хоть изначально и не был домовым этого дома, но вполне принял новую роль. Если Митрофан был скорее ещё одним жителем, то Евфимий всё больше и больше становился именно домовым всего дома. Видимо, чужая вещь в *его* доме – было чем-то непростительным.

– И что ты предлагаешь? Мы не знаем, где она живёт.

На самом деле, Владислав немного лукавил. Они не знали точного адреса, номера дома и квартиры, но он достаточно хорошо знал Розу Семёновну. Это была пожилая женщина лет семидесяти, полностью седая, но у неё были очень длинные волосы, которые она аккуратно заплетала и никогда не стригла. Собственно говоря, так Владислав и узнал, что она была ведьмой. Роза Семёновна пошутила, когда с ним познакомилась: мол, ведьме волосы отстричь – всё равно что от силы отказаться. После чего с ней поспорила другая посетительница кофейни Владислава, у Веры Кузьминичны, наоборот, была очень короткая стрижка таких же седых волос. И слабой ведьмой она себя не считала, они потом спорили едва ли не весь следующий час, а потом набрали по целому пакету выпечки каждая и разошлись по домам.

Роза Семёновна часто возвращалась в кофейню. Она была довольно разговорчива, поэтому Владислав хоть и не знал, где конкретно она живёт, но по косвенным описаниям в целом смог бы найти её дом. Она рассказывала, сколько минут ей идти до парка, что у неё из окон виден мост и что, когда она заглядывает в кофейню Владислава, она прогуливается по Чумбаровке, знал Владислав и сколько времени такая прогулка у неё занимала. С одной стороны, Евфимий был прав, и раз они могли найти, где живёт женщина, то могли вернуть и серёжку. Но с другой стороны, она сама бы пришла если не сегодня, то завтра – и они бы обязательно серёжку ей вернули! Так какая разница?

Евфимий что-то писал в блокноте. Владислав едва слышно вздохнул. Он надеялся ещё немного времени потратить на кухне, ему нужно было новое летнее, яркое меню. Но Евфимия он явно не переспорит, поэтому Владислав снял фартук, который он надевал ради атмосферы, ведь фартук у него всегда был довольно чистым, и уже было шагнул к двери.

Вдруг Евфимий настойчиво постучал по столу карандашом, привлекая его внимание. Владислав вернулся, поднял новую записку.

«Я отнесу, она всегда ходит в этих серёжках, должно быть, сильно расстроилась. В доме непорядок, нужно обязательно срочно вернуть. Но если Роза Семёновна расстроилась, нужно ей что-то подарить.»

Владислав нахмурился, представляя, как такой маленький домовый отправится куда-то один по городу. Роза Семёновна жила не поблизости, она прогуливалась до пекарни полчаса.

– Давай лучше я, – Владислав замолчал, отыскивая слова.

Он до конца не знал, не был уверен, обижались ли домовые, если назвать их маленькими. Скорее всего, Евфимий должен был понимать, что в сравнении с человеком он очень маленький. Он был размером с крупного кота или маленькую собаку, но покрупнее, не чиху-

ахуа, например. Владиславу каждый раз было неловко напоминать домовым, что их могут, например, затоптать. Было ли в этом что-то обидное? Владислав ни разу не решился спросить, поэтому не знал. Однажды он поинтересовался у Савельича, но тот рассмеялся вместо ответа и отмахнулся.

«Доставка. У других есть доставка, вот и у нас тоже будет.»

Доставка домовых, доставка домовыми – Владислав игрался в голове со словами, хотя серьёзно эту идею не воспринимал. Допустим, Евфимий мог утащить два пирожка или несколько кусков торта, но никак не целый торт. Всё это было проверенными фактами наблюдения, он буквально знал, сколько выпечки мог унести за один раз домовый. Но, например, стаканчик кофе Евфимий бы расплескал. Погодите, о чём он вообще думал? Это была очень плохая идея, они всё ещё маленькие, к тому же, наверное, «домовой» – он потому и домовый, что должен обитать в *доме*, а не шататься по улице! Владислав не то чтобы хорошо разбирался в нечисти, которую он всё равно не видел, но логически мог предположить, что он был прав.

«Доставка. Я отнесу.»

На этот раз непривычное для него слово «доставка» Евфимий написал верно с первого раза. На первом листочке несколько букв было перечёркнуто, но спорить с их содержанием по-прежнему было бесполезно.

– Только осторожнее, хорошо? – попросил Владислав.

После чего он отошёл к окну, где остывала под полотенцем выпечка, которая сегодня наполнит прилавок кофейни. Он выбрал несколько калиток с разной начинкой, они были небольшого размера, довольно плоские и лёгкие, к тому же он часто видел, как Роза Семёновна покупала именно их.

Пока Владислав упаковывал всё в бумажный пакет, Евфимий, видимо, радостно подпрыгивал, если судить по звукам. Серёжка со стола пропала, значит, домовый её уже подобрал. Владислав поставил небольшой свёрток рядом, отвернулся, и вот свёртка на столе не стало.

Владислав помахал куда-то в сторону двери, после чего вернулся к плите, услышал, как дверь чуть приоткрылась и закрылась обратно. Он смотрел в окно, но, разумеется, никого не увидел. Владислав очень надеялся, что с Евфимием всё будет в порядке.

Конечно, он подумывал, что стоило отправить с ним кого-то ещё. Но, к сожалению, сегодня в доме кроме Владислава и Евфимия был лишь Митрофан... и Тимофей Матвеевич. Дедушка вместе с кикиморами сегодня уехали на очередной заказ, их музыкальный ансамбль, на удивление, пользовался популярностью. Они должны были вернуться ближе к вечеру, может быть, даже за полночь, потому что на этот раз они уехали куда-то в область. Савельича не было потому что – Владислав не знал, куда тот пропал. Когда вчера они легли спать, Савельич был в доме. Когда сегодня в пять утра выходил дедушка, он, возможно, и был, но вот когда Владислав проснулся и встал в шесть – его уже не было.

Владислав жил в соседней с Савельичем комнате и, когда проходил мимо его двери, обратил внимание, что она была приоткрыта. Савельич всегда закрывал дверь, когда ложился спать, поэтому Владислав осторожно заглянул внутрь, обнаружив застеленную кровать. На первом этаже его тоже не нашлось, Владислав бегло заглянул на чердак, но там никого не было. Из чего он сделал вывод, что Савельич ушёл или ночью, или рано утром. Но куда, зачем – Владислав не знал.

Владимира Георгиевича ещё на прошлой неделе отвезли в лес к Василисе и Роману. Он хотел погостить у них две недели, после чего его должны были забрать. Вот так и получилось, что сегодня в доме Владислав был один в компании двоих домовых, которых не мог видеть, и Тимофея Матвеевича.

Владислав попробовал ещё глоток кофе. Вернее, он уже был в компании одного домового, ведь Евфимий только что ушёл куда-то в город...

Владислав не переживал, когда Евфимий не вернулся через два часа. В конце концов, он маленький, ножки у него маленькие, а значит, и шаги, которые он мог делать, были намного короче, чем у Розы Семёновны. Значит, и добрался он до её дома не за полчаса, как ходила пожилая ведьма, а, наверное, за час. К тому же ему нужно было найти не только её дом, но и определиться с квартирой, её они оба точно не знали.

Если бы Владислав пошёл сам, то он бы подождал перед домом, Роза Семёновна часто куда-то выходила, а может быть, и вовсе почувствовала бы, что её ждали. Владислав не знал, какая у неё сила, но в его голове это звучало вполне логично. Потом Евфимий заглянул в гости, должно быть, было невежливо сразу уходить, поэтому он мог задержаться.

Этим всем Владислав успокаивал себя до пяти часов. Пять часов – в его понимании было как раз подходящее время, чтобы сходить к Розе Семёновне, найти дом, в котором она жила, заглянуть в гости, вернуть серёжку и прийти обратно. В шестом часу Владислав уже расхаживал по комнате и постукивал пальцами по всему, до чего мог дотянуться. Уже было одиннадцать дня, он открыл кофейню, прошёл первый поток студентов, у которых, судя по всему, была очередная сдача чего-то ещё, потому что каждый из них выглядел хуже и зеленее предыдущего. Но все они уже прошли, и в наступившем затишье Владислав начал особенно волноваться. Он ругал себя, что отпустил Евфимия, он не стал спорить, и тот ушёл совершенно один. Менять что-то уже было поздно, возвращать было некого. Владислав надеялся, что с Евфимием ничего не случилось.

Правда, успокаивать себя он смог не дольше обеда. После чего Владислав не выдержал, перевернул табличку на входе в кофейню на «закрыто», схватил куртку и выбежал на улицу.

Стоило ему оказаться снаружи, Владислава накрыло холодным ветром, и он резко остановился. Он поёжился и накинул на голову капюшон, но дело было вовсе не в холоде. Как он вообще собирался искать того, кого не видел? Но иначе Владислав не знал, что ему делать. Он просто *не мог* делать ничего, не мог остаться в кофейне, особенно сейчас, когда посетители бывали редко, и у него было слишком много времени, чтобы думать и волноваться. Владислав сунул руки в карманы куртки и пошёл вперёд. Он надеялся, что с Евфимием ничего не случилось, может, он где-нибудь застрял, а может, так и не нашёл дома Розы Семёновны, но, например, бродил где-то в округе и никак не сдавался. В конце концов, он упрямылся, что вещь обязательно нужно сегодня вернуть. Возможно, именно поэтому он и задержался, а не потому, что с ним что-то случилось. Владислав очень на это надеялся.

Он так рассуждал: если с Евфимием ничего не случилось, значит, он Владислава увидит, и им не помешает тот очевидный факт, что домового не мог видеть сам Владислав. В любом случае, оставаться в доме он не мог, а попросить помочь ему было некого. В доме не было никого, кто бы мог увидеть домового, да и до вечера среди их посетителей в основном были люди, и конкретно в этот момент не было даже их.

Владислав пошёл вперёд, разглядывая деревянные дома по обе стороны улицы. Евфимий – домовый, он особенно любил именно деревянные строения и презирал современные многоэтажки. Владислав не знал, были ли в этих домах свои домовые, но вдруг Евфимий задержался, чтобы с кем-то поговорить? Правда, соседских домовых Владислав тоже не смог бы увидеть, но он шёл не спеша. Во-первых, чтобы они точно успели его заметить, а во-вторых – потому что он прикидывал, куда могла пойти Роза Семёновна за тридцать минут. Роза Семёновна, несмотря на свой возраст, была довольно активная, подвижная. Поэтому вряд ли она плелась, но и точно быстро не шла, если она выходила на прогулку, а не по делам.

Владислав продвигался дальше и встретил несколько туристов, которые в начале улицы фотографировались с огромными крыльями, а ближе к её середине – с огромной рыбиной. Вернее, это был налим, как Владислава первый раз резко поправил Савельич. То, что налим – тоже рыба, аргументом не являлось, зато Владислав навсегда запомнил, что это именно налим, а не какая-либо другая рыба. Владислав прикинул, мог ли Евфимий задержаться у памятников.

Он сам немного постоял у каждого, но к нему никто не подошёл, клочком бумаги в него не швырнули... К тому же дедушка научил Евфимия мастерить самолётики из бумаги, если бы тот хотел привлечь внимание Владислава, он мог бы воспользоваться таким способом.

Проходя мимо одного дома, Владислав задержался подольше. Здесь был кот, которого часто выпускали на улицу. Кот был рыжий, длинношёрстный и очень пушистый, наверное, поэтому Владислав не раз видел его, хотя на улице было ещё довольно холодно. С другой стороны, кот толком не выходил из дома, он сидел на крыльце, забирался на деревянные перила, свешивал вниз пушистый хвост и смотрел на всех, кто проходил по улице, сверху вниз. Он никогда не проявлял к Владиславу никакого интереса, впрочем, не спускался он даже к туристам, которые пытались подзвать его какой-то едой.

Так вот, сегодня кот снова сидел на крыльце, это Владислава успокоило, ведь ему говорили, что животные вполне могут видеть домовых и прочую нечисть. Но кот спал, привычно свесив вниз хвост. А значит, и никакого домового он заметить не мог. Евфимий, судя по описаниям тех, кто его видел, как раз был немного меньше, чем этот крупный кот. Мало ли, вдруг бы кот его схватил или они подрались из-за чего-то.

Владислав медленно шёл дальше. Наконец, он упёрся в уже бывшее здание центрального рынка. Роза Семёновна, а с ней и другие пожилые посетители его кофейни жаловались, что недавно решено было его закрыть, потому что здание признали нарушающим правила пожарной безопасности. Владислав читал об этом в новостях и какого-то определённого мнения на всю ситуацию не имел. А вот Роза Семёновна, первая заговаривая с разными столиками, не один день бурно обсуждала закрытие рынка. Они всё спорили про состояние здания, про пожарную безопасность, а если учесть, что больше половины из них – вообще людьми не были, то и «безопасность» они понимали по-своему. В общем, споров было много, поэтому Владислав немного задержался на углу, вдруг Евфимий решил посмотреть на здание рынка. Ну вдруг! Владислав уже терялся, что ещё может сделать по дороге в попытке найти то, чего он не видел.

Здание молчаливо возвышалось слева от него. Внутри никто не заходил, в Владислава никто ничем не кидался. На мгновение ему показалось, будто на него кто-то смотрит. Но как раз в этот момент мимо Владислава протиснулась женщина с пакетами, она ворчала себе под нос, но почему-то не обошла его с другой стороны, хотя места на тротуаре было предостаточно. Сбоку на знаке пешеходного перехода устроилась ворона...

Он постоял, наверное, минут пять, а потом пошёл дальше. Здесь идти прямо больше не получалось, он упёрся бы сначала в дорогу, а потом в жилой дом. Роза Семёновна всегда рассказывала, что сначала она шла вдоль реки, поэтому Владислав повернул направо, к набережной.

Впереди маячила новенькая церковь с золотыми куполами. Остановка тоже была довольно сомнительной, домовые – всё-таки были нечистью, наследием языческим. С точки зрения Владислава, к православию они не имели никакого отношения, но он был наслышан, что Евфимий мог перекреститься. Дедушка сначала удивлялся и каждый раз, когда это происходило, обязательно рассказывал Владиславу. Поэтому Владислав не понимал отношения домовых к религии, но всё-таки перешёл к церкви и пошёл по той стороне дороги. Она к тому же была ближе к реке, а значит, здесь, скорее всего, и ходила Роза Семёновна.

Правда, если вычесть всё время, что он стоял у чего-то, у Владислава как раз получалось полчаса пути. То есть Роза Семёновна должна была бы жить в одном из этих домов, но из их окон мост через реку видно не было. Владислав прошёл немного вперёд, где начиналась стоянка, а потом небольшой парк с аллеей вдоль реки. Отсюда мост было видно. Он остановился. Посмотрел назад, посмотрел вперёд. Может быть, когда Роза Семёновна говорила «полчаса», она имела в виду не полчаса, а все сорок минут или даже больше. Но что ему оставалось сделать? Он точно не хотел возвращаться, а значит, Владиславу оставалось только идти вперёд.

На углу стоял магазин. На другой стороне дороги – какое-то учебное заведение, Владислав не видел вывеску, но как будто бы перед зданием шныряло слишком много людей одинакового возраста, чтобы это была, например, больница. К тому же там был небольшой сквер и какой-то памятник.

Но Владислав шёл по другой стороне улицы, здесь его внимание привлёк другой памятник – табличка под ним гласила «Робинзон Крузо». Что он делал в Архангельске? Владислав вздохнул, ладно, он уже перестал понимать, в чём был смысл местных памятников, но конкретно у этого была шапка, которая, ну, вдруг могла заинтересовать домового. Владислав уже устал придумывать, где за эту дорогу мог остановиться Евфимий, раз он ещё не вернулся.

Наиболее вероятным всё-таки был бы какой-то деревянный дом. Особенно если бы он был заброшенным, таких было много в другой части города. Но, к удивлению, на всём пути заброшенных деревянных домов Владислав не встретил. Деревянные дома шли вдоль Чумбаровки, но они все были жилые и в хорошем состоянии. То была главная туристическая улица, поэтому они обязаны были поддерживать внешний вид жилища. Дальше начинались хоть довольно старые, но советские многоэтажки различных лет постройки: здесь были хрущёвки, и брежневки, и горбачёвки... Владислав уже почти упёрся в мост, за которым были и вовсе новые дома. Из окон как раз было замечательно видно мост, но он ушёл намного дальше, чтобы подходило под определение «прогулка на полчаса». Евфимия он не нашёл, дом Розы Семёновны – тоже.

Владислав развернулся.

Он замер, но нет, ему показалось. Мимо как раз проезжала машина, она была очень чистая, и в тёмном крыле мелькнуло его собственное отражение. Его собственное и того самого нечто, которое пусть и шептало тише после переезда, но никуда не делось. Дедушка и Владимир Георгиевич не видели ничего подозрительного. Владислав не стал спрашивать Савельича, но тот смотрел на него в упор, а потом отказался выдавать регистрационную карточку, потому что Владислав был человеком. Всего лишь человеком, если бы с ним было что-то не так, Савельич бы обязательно это задокументировал. Владислав был в том абсолютно уверен.

Тем не менее *нечто* оставалось. Просто его не видел никто, кроме Владислава, будто его и вовсе не существовало. И вот сейчас ему показалось, что на него кто-то смотрел, всего лишь показалось, он увидел отражение этого нечто. Всего лишь показалось, повторял Владислав снова и снова. На всякий случай он глянул по сторонам, но на улице кроме него никого не было.

Выдохнул. Видимо, нахлынувшее волнение теперь не давало ему покоя ни в чём. У него часто такое бывало.

Владислав покачал головой и повернул обратно, к набережной, чтобы повнимательнее осмотреть жилые дома. Возможно, не в первой линии, но во второй найдутся деревянные, которые могли бы привлечь внимание Евфимия.

На знаке пешеходного перехода снова сидела ворона. Правда, стоило Владиславу подойти ближе, как она улетела. Ворона и ворона, мало ли в городе птиц. Но именно эта была довольно крупной, как бы она ненароком не заметила потерявшегося Евфимия и не утащила куда-нибудь.

Владислав только сейчас понял, что совершенно не задумывался, откуда именно взялся Евфимий. Он ведь мог в городе совсем не ориентироваться, не знать ни одной улицы, как Владислав вообще его отпустил?! Про Евфимия ему рассказывал дедушка: мол, Василиса и Рома нашли его и Митрофана, теперь оба домовых жили с ними. Но почему Владислав ни разу не спросил у дедушки, *где* они их нашли? Это было с его стороны невозможно глупо. Учитывая, как далеко жила Василиса, они ведь, наверное, и нашли его где-то там, у себя. В городе ни разу не бывал, всё время в доме, конечно, он потерялся! Теперь Владиславу что делать, чтобы бедного домового не унесла какая-то самая обычная ворона!

Он перешёл улицу и развернулся в обратную сторону. А если они разминулись, Евфимий давно вернулся? Слишком много у него было этих «если» в голове.

Владислав не только разглядывал дома, которые шли вдоль улицы, но и заглядывал в улицы, которые перпендикулярно с ней пересекались. Роза Семёновна, в конце концов, была ведьмой. Нечисть, по крайней мере со слов бабушки, новостройки не жаловала, значит, и дом должен быть какой-то старый.

Владислав остановился у одной такой улицы.

– Допустим, с её стороны это было бы предельно иронично, – пробормотал Владислав себе под нос, смотря на указатель улицы.

Это была улица Розы Люксембург. Вдоль которой, если заглянуть дальше, стояли деревянные дома. Это могла быть она. Владислав свернул вправо и пошёл вглубь города.

Вернее, почти. Потому что вдруг впереди он увидел того, кого совершенно не рассчитывал встретить. Но она ведь могла ему помочь!

– Индира! – крикнул Владислав, перебегая дорогу.

Ему сигналили, но машины ещё стояли, он бросился на последние секунды мигающего зелёного и добежал уже на красный. Она осталась на месте, но не повернулась и осталась полубоком, разве что обернулась и измерила Владислава своим привычным взглядом. Поначалу он думал принять это на свой счёт, может, он порядком её напугал в тот первый день, когда они впервые встретились. Но чуть позже выяснилось, что это было постоянное выражение лица Индиры. Что-то между презрением, осуждением, отвращением, усталостью и всем сразу. Индира никогда не приходила в кофейню одна, чаще всего её затаскивала с собой Маша. Индира не приходила вместе со своей матерью, но иногда забирала её, когда та навещала Тимофея Матвеевича...

Владислав остановился, не зная, что ему сказать. Потому что самое простое – *в доме не было никого, кто мог бы видеть нечисть* – только что потерпело крах. В доме был Тимофей Матвеевич, который даже был ведьмой, просто, ну, Владиславу было тяжело это объяснить, но Тимофей Матвеевич вызывал в нём странные эмоции. Ему не было страшно, но от взгляда старика иногда становилось не по себе. Иногда он помнил, кто такой Владислав, а через буквально несколько минут мог забыть, что вообще с кем-то разговаривал, развернуться и уйти. Иногда он не узнавал сам себя, проходя мимо зеркала, начинал разговаривать с отражением. Иногда начинал говорить что-то очень странное, Владислав и слов толком разобрать не мог, но создавалось впечатление, что если Тимофей Матвеевич и не сошёл с ума, то в этом состоянии он находился эпизодически, и никогда нельзя было предугадать, какой именно сейчас час: хороший или плохой.

В общем, Владислав бы не постучался к нему в комнату, прося найти Евфимия. Он старался лишний раз с Тимофеем Матвеевичем не заговаривать, но даже если бы и смог себя пересилить, вряд ли бы старик ему помог. Да и не хватало ещё его из дома выпустить, Тимофей Матвеевич совсем не выходил, он иногда мог днями проводить в своей комнате, и только через неделю его бы до кухни довели бабушка или Владимир Георгиевич.

Но Индира по-прежнему стояла напротив него, разве что начала нетерпеливо постукивать кончиком кроссовка по асфальту. Владислав молчал и, как ему объяснить всё происходящее, по-прежнему не знал.

– Мне нужна твоя помощь, – начал он с простого.

– А ещё чего-нибудь тебе не нужно? – привычно огрызнулась она.

Но стоит отдать Индире должное, она осталась на месте. Если бы она абсолютно не хотела помогать, давно бы развернулась и ушла. Индира скрестила руки на груди, смотрела очень недовольно, и выражение её лица как бы показывало, что она о Владиславе думает. Но! Она осталась на месте и ждала, чтобы он продолжил.

– Я потерял домового, – опять же совершенно честно признался Владислав.

Индира резко вскинула брови.

– Это вообще возможно? – удивилась она.

Владислав бессмысленно развёл руками.

– Роза Семёновна потеряла в кофейне серёжку, Евфимию не нравилось, что у нас в доме остался чужой предмет, он хотел серёжку непременно вернуть. Я отпустил его, он потерялся, я не знаю, где он.

Если бы человек мог поднять брови ещё выше, Индира бы обязательно это сделала. Но она явно достигла предела возможностей.

– Место домового в доме, – сказала Индира тем голосом, когда что-то пятый раз объясняют двухлетнему ребёнку.

Она теперь смотрела на Владислава иначе, не как на какого-то надоедливового прохожего, который остановил её посреди улицы, когда она шла по своим делам, а как на полнейшего дурачка. Владиславу не привыкать, на него за всю карьеру смотрели по-разному. Он работал раньше со многими людьми, поэтому подобный взгляд его бы ничуть не оттолкнул, если бы не одно «но». Он и сам чувствовал себя как тот самый дурачок, который сделал какую-то максимальную глупость, а теперь пытался её исправить, хотя понимал, что ничего у него не получится.

– И чем, ты думаешь, я могу тебе помочь? – Индира выразительно повела бровями. – Искать домового в целом городе даже сложнее, чем найти иголку в стоге сена.

Владислав это тоже отлично понимал. Просить Индиру ходить с ним по городу только потому, что она могла увидеть Евфимия, а он нет – явно было очень плохой идеей.

– Он ушёл вернуть серёжку Розе Семёновне и пока не вернулся. Я хотел навеститься к ней, но не знаю дома, в котором она живёт, – начал объяснять Владислав.

– Допустим, я действительно знаю, где она живёт, – легко согласилась Индира. – Пошли, но только потому, что я всё равно иду в ту сторону, и здесь от силы две минуты пешком.

Индира уже развернулась и пошла вперёд по той самой улице Розы Люксембург, по обе стороны которой стояли деревянные дома, в которую как раз собирался свернуть Владислав.

Индира остановилась, обернулась.

– Так ты идёшь или нет?! – прикрикнула она на него, потому что Владислав стоял на месте.

Он поспешил следом.

– Я просто удивился, – сказал Владислав, спешно догоняя Индиру, и пошёл рядом с ней.

– Удивился, что ты знаешь, где она живёт.

– Я родилась в этом городе, – Индира безразлично повела плечом. – А ты что думал?

Кажется, она намекала, что Владислав мог подумать, что она из другой страны из-за её внешности. Он мог, но сейчас думал абсолютно о другом.

– Я родился в Питере и даже не знаю, как звали моих соседей, которые лет двадцать жили сбоку от моих родителей.

Индира фыркнула.

– Ты сравнил.

Она не стала пояснять, но Владислав мог догадаться, что она имела в виду. Он замечал после того, как переехал к бабушке в Архангельск, многое было похоже, а люди всё-таки были другие. Да и нелюдей здесь было как будто бы больше, или они просто все теперь заходили в его кофейню? Поэтому Владиславу казалось, будто бы каждый второй в городе не был человеком. Так получалось, что в его окружении, где каждый десятый был человек – остальные нет.

Ну и как будто бы отношение к соседям в целом отличалось. Соседний от них деревянный дом появился на порог буквально на следующий день после того, как они узнали, что в заброшенном доме появились жильцы. Потом они ещё несколько раз возвращались: когда Владислав переехал к бабушке, и соседи узнали, что жильцов стало больше. Потом его начали

узнавать и здороваться просто на улице, когда он ходил куда-нибудь. Но опять же, может быть, дело было в том, что его кофейня уверенно становилась довольно популярным местом. Пускай толп у них не было, но Владислав отлично понимал, что постоянные клиенты, которые возвращаются через день, пускай и в количестве двадцати или около того человек – намного лучше, чем если бы к ним в один день заглядывала толпа, и у него бы просто не хватало ни приборов, ни столиков, ни выпечки – а в другой день, наоборот, не было бы никого, и у него остался бы весь прилавок.

Дошли они даже быстрее, чем за две минуты, которые обещала Индира. Разве что она остановилась у дома без крыши. Владислав вовремя заметил, поэтому встал рядом, не врезавшись в девушку. Индира рассеянно смотрела перед собой. Дом был вполне целым, потому что среди заброшенных было довольно много погорелых. Этот таким не был, но и жилым быть не мог, потому что какие-то окна были заколочены, какие-то разбиты, а вот крыша частично снята или провалилась внутрь.

– Я родилась в этом городе, – повторила Индира. – Поэтому я *знала*, где кто из наших живёт.

Владислав задумчиво осматривал дом перед собой. Видимо, Роза Семёновна переехала куда-то недалеко, потому что он прошёл весь маршрут, который она описывала, и видел всё, что она когда-либо упоминала. Индира всегда держалась очень самоуверенно, дерзко, и Владиславу было непривычно видеть, как рассеянно она стояла на месте. Поэтому он не стал ничего говорить – ну, ошиблась, с кем не бывает.

Но теперь они оба не знали, куда им идти и что им делать.

– Ты хоть знаешь, сколько ему лет? – спросила Индира.

– Кому? – не понял Владислав.

Она закатила глаза и фыркнула, как будто бы он притворялся глупым, лишь бы её разозлить. Но Владислав честно ничего не понимал.

– Евфимию, домовому твоему, сколько ему лет?

– А я откуда знаю? – удивился Владислав.

Индира фыркнула намного громче.

– Дом в каком году был построен? Дом. Дом, в котором ты живёшь, был построен в каком-то году, – она оскалилась абсолютно недружелюбно, хотя объясняла таким тоном, как разговаривала бы милая воспитательница с ребёнком в детском саду. – В каком году он был построен?

– Я могу по документам проверить, но какая разница?

– Домовому либо столько же лет, сколько дому, либо около того, они могут появиться через год, через два, но в целом будут примерно одного возраста, – Индира говорила спокойно, но судя по её выражению лица, она уже выходила из себя.

– Только это не его дом, – честно признался Владислав и осторожно шагнул в сторону, понимая, что ему сейчас влетит ещё больше. – Я знаю только то, что его нашли, вся деревня была заброшенная, они жили там вдвоём с Митрофаном. Его нашли и привезли сначала к себе, а потом в город.

Индира застонала, запрокидывая голову назад.

– То есть ты не просто домового из дома выгнал, а ещё и того, кто в городе жил меньше года?!

– Во-первых, я его не выгнал, он сам настаивал, что серёжку нужно вернуть, – поспешил оправдаться Владислав. – Я хотел пойти с ним, но он настоял, что пойдёт сам. А во-вторых, я не знал и, кстати, до сих пор не знаю, где они его нашли и было ли это в городе. Я знаю только то, что он не жил в этом доме. Поэтому в каком году построили дом, нам ничем не поможет.

– Да нам вообще ничего не поможет, – фыркнула Индира.

Нам? – удивился Владислав. Он отлично помнил, что Индира куда-то спешила, и даже если она никуда не опаздывала, то он сомневался, что она сама вызвалась бы ему помогать. В конце концов, в этой ситуации он оказался полностью по своей вине, хотя её помощь он бы с радостью принял.

– Как ты собирался его искать? – спросила Индира.

– То есть ты всё-таки мне поможешь? – осторожно уточнил Владислав.

Индира фыркнула и небрежно от него отмахнулась.

– Место домового в доме. Понимаешь? Домовой должен быть *в доме*, иначе ему просто не выжить.

Владислав не стал спорить, потому что до конца не знал эту историю. Но Владимир Георгиевич рассказывал, что в лесу у Василисы тоже жили домовые. Правда, в домике, который построил Рома. Внука Владимира Георгиевича, Рому, Владислав никогда не встречал, в отличие от Василисы, которую видел один раз в жизни. Но, видимо, как и Владимир Георгиевич, парень отлично обращался с инструментами, раз смог построить домик посреди леса.

Не о нём сейчас, а о том, что Владислав примерно предполагал, что домовый мог выжить и в лесу, и не только в доме. Но, посмотрев на суровый взгляд Индиры, он не сказал ни слова.

– Я пошёл по тому маршруту, который когда-либо упоминала Роза Семёновна. Она говорила, что прогуливается до кофейни полчаса, я так и пошёл. Потом дальше, она гуляет в парке, и из её дома видно мост, – Владислав махнул рукой, указывая в сторону моста. – По дороге я надеялся, что Евфимий где-то остановится, увидит меня, и так я его найду. Потому что видеть его я не могу, остаётся только если бы он нашёл меня. – Он немного помедлил. – Или, получается, если ты мне поможешь. Потому что ты можешь его увидеть, а я нет.

Индира покачала головой.

– У тебя отвратительный план.

Тем не менее она повернулась в сторону реки и решительно пошла обратно вдоль улицы. Оттуда, где они стояли, понятное дело, моста видно не было, нужно сначала вернуться к набережной.

– Для человека, которому не нравится мой план, ты слишком быстро на него согласилась, – заметил Владислав, снова догоняя её.

– Для человека, у которого есть всего один план, и он отвратительный, ты слишком много ворчишь, – огрызнулась она.

Владиславу на это нечего было ответить. Но найти Евфимия с помощью Индиры было бы намного проще, чем искать его одному.

– А у тебя нет, например, какой-нибудь способности, которая помогла бы нам его найти? – спросил Владислав, он шёл рядом с девушкой и наклонился к её лицу.

Видимо, последнего делать не стоило. Индира была сильно ниже его, и когда он наклонился к ней, то она со всего размаху стукнула его локтем куда-то под рёбра.

– Ай! – Владиславу не то что было настолько больно, сколько обидно. Поэтому он теперь шёл в шаге от неё, она могла дотянуться, но намёк он понял.

– Я такая же нечисть, как и твой домовый, – очень тихо ответила Индира.

Они остановились на светофоре, и оба замолчали, потому что рядом с ними стояла ещё какая-то женщина. Мимо медленно проехали несколько автобусов и одна северодвинская маршрутка. Потом ещё пара машин, перед тем как светофор наконец загорелся зелёным. Они перешли дорогу к небольшому магазину, а потом обратно свернули к парку.

– То есть каких-то способностей у тебя нет? – уточнил Владислав.

– Есть, но они нам ничем не помогут, – Индира скривилась, но хотя бы перестала на него огрызаться.

– Например? – Владиславу было любопытно, и он снова не знал, насколько невежливо было спросить напрямую.

– Если ты потом спросишь, *что* такое, то я тебе врежу намного сильнее, – Индира помрачнела.

Владислав был очень рад, что не задал именно этого вопроса.

– Почему сразу «что»? – как можно миролюбивее сказал он. – Я знаю, что твоя мать – человек, значит, ты как минимум наполовину человек, такая же, как и я. Мне просто интересно, есть ли у тебя какие-то способности от твоего отца, которые могли бы нам хоть как-то косвенно помочь.

Индира резко остановилась, и Владислав встал рядом. Но она осталась на месте не больше пары секунд, заметно, но пошла дальше, чуть качнув головой.

– Нет.

Кажется, спрашивать у неё было бесполезно, она не собиралась Владиславу рассказывать.

Погода не налаживалась, хотя даже небольшие облака рассеялись, и в небе ярко светило солнце. Дул сильный ледяной ветер, и Владислав засунул руки в карманы, уже не чувствуя пальцев. Стоило взять шапку, но когда он выходил, ни о какой шапке он совсем не думал. Он думал об Евфимии, которого они так и не нашли.

– Хорошо, а кем ты работаешь? – спросил Владислав, потому что ему было как-то неловко продолжать молчать.

Индира не ответила.

– Я знаю, что ты работаешь в той же больнице, что и твоя мать, она рассказывала, – продолжил Владислав.

Они снова шли вдоль набережной, где он был минут пятнадцать или двадцать назад. Мимо прошла одна дама с маленькой собачкой, собачка, к слову, никак не отреагировала на Владислава, но залаяла на Индиру.

Когда они отошли так, чтобы их не услышала хозяйка, Владислав было открыл рот, чтобы спросить. Не то чтобы он сомневался, что Индира может просто не нравиться собакам, но как-то не сразу она на неё среагировала. И даже не приняв хавшись, а как будто бы присмотревшись.

– Да, они видят нечисть, точно так же, как и почти все дети, – тяжело вздохнула Индира.

«Она не собиралась ему что-то подобное пояснять, но решила, что иначе он будет надоедать ей вопросами» – у неё это очень чётко можно было прочитать по выражению лица. У Индиры в целом была очень красноречивая мимика, а вместе с жестами тем более.

– Животные видят нечисть, не так хорошо, как мы друг друга, но всё-таки отличают от обычных людей. Дети – тоже, некоторые и вовсе видят, например, того же домового, а другие просто намного более чувствительны к его перемещению, в отличие от взрослых.

– Я иногда слышу, как он ходит между комнатами, но никогда не вижу конкретного места, где он стоит, – сказал Владислав.

Индира легонько, на этот раз, толкнула его в бок.

– Видишь, какой ты замечательный, – но её тон мало походил на похвалу. – Мой дар нам ничем не поможет, если только солнце вдруг не зайдёт посреди дня и на мир не опустится вечная ночь, потому что мои глаза светятся и я вижу в темноте, а работаю я в больнице травматологом, если ты сейчас не замолчишь, то добавишь мне работы.

Она говорила очень быстро, но Владислав успел услышать и понял самое главное – он замолчал.

Вместе они дошли вплоть до моста. На углу стоял новый дом, Индира с подозрением смотрела в его окна и на балконы, но, видимо, всё-таки решила, что в новом доме ведьма жить не станет, и они повернули обратно.

– Я всегда хотел завести собаку, – сказал Владислав, скорее разговаривая сам с собой. – Если она ещё и поможет мне с домовыми, то как будто бы самое время это сделать. Я раньше редко бывал дома, работа не позволяла, а теперь я постоянно. Точка. Ай!

– Я пытаюсь думать, а ты мне мешаешь. Я же сказала, если не перестанешь болтать, то окажешься у меня в отделении, – буркнула Индира.

Они пошли медленнее, и она всматривалась в каждый дом, иногда оглядывалась на случайных прохожих. Владислав заметил какую-то женщину, которая стояла на углу перекрёстка. Но он не успел её рассмотреть, хотя ростом она была примерно как Роза Семёновна. Всё, не она, потому что женщина в плаще и платке на голове смотрела в сторону, и если бы это всё-таки была Роза Семёновна, она бы обязательно подошла поздороваться. Старушка была очень разговорчивой и не раз держала очередь, не только заказывая кофе у Владислава, но и рассказывая что-нибудь. Нет, она бы точно просто так не ушла, если бы заметила его на улице.

– То есть у тебя всё-таки есть какие-то способности, которые нам могут помочь? Если тебе нужно сконцентрироваться, и я тебе мешаю, – рассудил Владислав.

Индира умолкла и слишком выразительно фыркнула.

– Эти способности называются «мозг».

– С тобой очень тяжело разговаривать, – сказал Владислав.

– Спасибо, я стараюсь, – Индира вдруг улыбнулась, но эта улыбка больше напоминала оскал.

– Честно говоря, у тебя не слишком дружелюбный характер, – в тон ей ответил Владислав.

– Спасибо, – она улыбнулась ещё шире, – я *очень* стараюсь. И мне очень приятно, что ты так считаешь.

Смотря на её выражение лица и учитывая тот тон, Владислав не выдержал и рассмеялся. Видимо, этого делать тоже не стоило, потому что Индира легонько хлопнула его по руке. Не сильно, он через куртку толком и не почувствовал, скорее увидел глазами.

Она была очень неоднозначной, эта Индира. Вроде только и делала, что огрызалась, но тем не менее всё равно пошла помогать, бросая делать то, что она до этого делала. Интересно, откуда она здесь? Или куда шла? Владислав был почти уверен, что если он спросит, она не ответит.

Тем не менее, они снова вернулись к речному вокзалу, почти полностью скрытому строительными лесами, откуда они и начинали.

– Ну так что, болтливый ты наш, появились идеи получше? – спросила Индира.

Владислав развёл руками, он не то чтобы не думал над другим планом, он понимал, что его просто не могло быть. Он мог вернуться в кофейню и ждать там. Он мог продолжать ходить по улице туда-сюда, абсолютно не зная, куда ему идти, и всё равно не видел того, кого хотел найти. Владислав понимал, что лучшего плана у него просто не может быть. Поэтому, вполне логично, он его и не придумывал.

Индира достала из кармана куртки телефон и начала что-то в нём искать.

– Может быть, у моей мамы будет номер Розы Семёновны. Тогда мы хотя бы узнаем её адрес и видели ли она сегодня твоего потерявшегося. Правда, я не уверена, что у мамы есть её номер. Но я могу хотя бы спросить.

Индира уже нажала вызов и приложила телефон к уху, когда их окликнули.

Вернее, окликнули именно Владислава, судя по дальнейшей реакции, заметив только его.

– Владислав, а что ты здесь?.. – девушка не договорила, она как раз переходила дорогу и зашла к нему со спины, он обернулся, и она заметила Индиру, которая стояла там же.

– Привет, – робко и как-то даже немного рассеянно протянула она.

Владислав точно её узнавал, она ходила в его кофейню, но не так часто, как те посетители, которых он давно выучил по именам и знал их заказы, когда они только входили. Что бы ни хотела сказать девушка, она вдруг резко передумала и даже шагнула назад. Владислав посмотрел на Индиру, выглядела та не особенно дружелюбно, но не до того, чтобы отпугивать людей.

– Я просто хотела поздороваться, раз тебя узнала, – пролепетала девушка и резко свернула на улицу Розы Люксембург, по которой они как раз только что прошли. – Не буду вам мешать, – и она буквально рванула дальше по улице.

Владислав смотрел ей вслед, всё равно не понимая, что только что произошло. Зато он всё-таки вспомнил её имя, её звали Соня, и она в прошлом году закончила медицинский. Впрочем, эти знания ему теперь негодились. А вот Индира покачала головой и выразительно фыркнула. Опять же, жест толком ничего не значил, потому что, как Владислав успел заметить, это была её реакция практически на всё.

– Ещё какие идеи будут, умник? – спросила Индира.

Владислав устал. Идей у него не было, и они точно не появятся, потому что он совершенно не знал, что ему делать.

– Я попробую ещё поискать, – наконец сказал он, – спасибо, что попыталась мне помочь.

Индира какое-то время молчала, смотрела на него, скрестив руки на груди. Весь её вид буквально кричал, что Индира не одобряла, но Владислав не понимал, что он мог с этим поделать. Он уже отпустил Евфимия. Поэтому её осуждение сейчас не помогало им обоим.

Наконец, Индира вздохнула и отвернулась от него.

– То есть ты совсем ничего не понимаешь? – Она спросила тихо, едва громче вздоха. К тому же не смотрела на Владислава, ещё немного, и он бы решил, что это предназначалось не ему.

– У меня нет других идей, где его искать, поэтому я не вижу смысла тебя задерживать, – честно ответил Владислав.

На это Индира лишь покачала головой.

– Да, дела у меня были, но они подождут. Нам сейчас важнее его найти.

Кажется, Владислав даже близко не понимал размаха ошибки, которую совершил. Или Индира была намного более отзывчивой, чем пыталась казаться. На этот счёт Владислав не был уверен.

Но стоять на месте им точно толку не было, поэтому Владислав шагнул к Индире, собираясь идти дальше вдоль улицы, как он слышал тихий, но абсолютно очевидный звук. У Индиры именно в этот момент, а может, и раньше, но Владислав не слышал настолько хорошо, заурчал живот. Девушка смутилась, но всего на мгновение, после чего сделала вид, будто ничего и не произошло, но Владислав был уверен, что услышал. Он решил и дальше её не смущать и вместо этого предложил:

– Знаешь, я порядком проголодался, – что, кстати, даже было правдой, ведь последний раз Владислав ел рано утром, – давай возьмём что-нибудь с собой и пойдём его искать дальше.

Индира, кажется, привычно собиралась сначала поспорить, но Владислав не стал дожидаться ответа, ему так удачно загорелся зелёный для перехода через улицу в сторону набережной. Утром он заметил там кафе, судя по запаху, там был шашлык или шаурма, потому что из трубы кафе валил густой дым и пахло жареным на открытом огне мясом.

Индира ворчала, но пошла следом за ним. Из кафе они ушли довольно быстро, прихватив по шаурме и бутылке какого-то лимонада, Владислав даже не обратил внимания какого, просто взял любой напиток из холодильника.

Он иногда поглядывал на Индиру, но она продолжала молчать. У Владислава из головы никак не шёл вопрос: «Ты совсем ничего не понимаешь?» То есть, она могла спросить его, знал ли он что-то, она могла разочароваться, что он ничего не понимал или неверно оценил ситуацию, но его подозрительно зацепило это «совсем ничего». Но шанса спросить у него так и не возникло.

Индира довольно быстро расправилась с едой, а потом повернулась к нему.

– Неужели тебя все так зовут? – вдруг спросила она.

– Так это как? – удивился он.

– Владислав, – нетерпеливо пояснила Индира.

– Это моё имя, – Владислав безразлично пожал плечами.

– Вот и я про то же, неужели все зовут тебя полным именем? Влад? Слава?

Владислав мог только второй раз пожать плечами.

– Можешь мне не верить, но Владислав. Меня отец так назвал, и все чаще звали именно полным именем. В детстве звали Влад, потому что короче, а дети нетерпеливы, но в старших классах всё равно перешли на Владислав. В институте меня иногда звали Славой, обычно в контексте, какой я хороший парень.

На это Индира едва заметно усмехнулась.

– Я не в том смысле, что хороший-плохой, – добавил Владислав, усмешку он вдруг находил заразительной, а учитывая то, о чём он рассказывал, даже уместной. – Мол, «славный парень», понимаешь? А по-настоящему хорошим я никогда не был. Всегда был слишком занят учёбой. Поэтому меня не то чтобы не любили, просто сокурсникам не было до меня никакого дела. Они меня едва видели, разве что на тех парах, которые не прогуливали сами.

Была в том, пожалуй, определённая ирония. Владислав большую часть своей жизни потратил на то, чтобы доказать, что он – мог. Мог сделать это, мог добиться того, и совсем упустил, что в этой постоянной гонке достижений перестал чувствовать хоть что-либо, достигая новой цели. Это перестало приносить радость или разочарование, что добился чего-то не того, что ушёл куда-то не туда. Владислав уже давно перестал хоть что-либо чувствовать, только механически ставил себе новую цель, достигая предыдущей. Каждый раз он думал: если получит последующее, то вот теперь точно, теперь обязательно будет счастлив. И снова ничего не чувствовал, и снова, и снова... Сейчас он не мог ответить, когда именно исказилось его отражение в зеркале, и там появилось *оно*.

Казалось, Индира совсем не заметила изменения в его настроении.

– Прямо и друзья так звали?

– Друзей у меня почти не было, а какие были, я быстро растерял.

Владислав не стал пояснять, но дружить с тем, кто постоянно не выходил гулять, не ходил вместе куда-то в выходные, а потом и вовсе чаще не отвечал на сообщения, никто не хотел, и это было правильно. Он не сразу растерял всех друзей, а потом думал, что завёл новых, но и они не оставались с ним надолго. В компании, которую основал Владислав, которой столько лет руководил, он ведь думал, что все его сотрудники были его друзьями. Но из них позвонили только двое: Жека, чтобы спросить, что с ним случилось и как у него дела. Но она не перезванивала, она позвонила ещё осенью, когда он только уехал. Ещё звонил Марк, но он не мог найти документы, и они общались сугубо на рабочие темы, даже парой слов не перекинувшись о личном.

– Какие и были друзья, все звали меня Владислав, – ответил он, потому что если уж Индира решила с ним разговаривать, нужно было этим пользоваться.

Может, она перестанет на него огрызаться, может, они даже подружатся. Несмотря на все колкости, Индира хотя бы была настоящей. Она не врала, говорила только то, что думала, причём абсолютно не скрывая, что она думала. Да и в отличие от большинства посетительниц всех возрастов, она ни разу не пыталась с ним ворковать, строить глазки, в общем, всего, на что сейчас у Владислава сил просто не было. Может быть, в другой ситуации некоторым из них он бы даже дал свой телефон, позвал куда-нибудь погулять, но точно не сейчас.

Но подружиться с кем-то настолько честным и настолько не считавшимся вообще ни с чьим мнением – этого Владислав был бы не прочь.

– А девушка что кричала?

Владислав выразительно хмыкнул, подражая манере самой Индиры.

– А она почти не звала меня по имени, иногда вынуждала сомневаться, что она его помнила, – честно признался Владислав.

Сейчас его это даже забавляло, а раньше подобными мыслями он просто не задавался.

Индира сначала обернулась на него в ужасе, а потом прыснула со смеху, настолько сильно, что в конце даже хрюкнула, спешно прикрывая рот рукой.

– Дай угадаю, – посмеявшись, продолжила Индира, – она была какой-то невероятно худой, высокой и очень красивой?

Прошло около полугода, а Владислав поймал себя на мысли, что впервые не мог даже вспомнить лица своей бывшей девушки. Пару раз он всё-таки о ней вспоминал, она ни разу ему не позвонила, не написала после того, как он просто посреди ночи уехал и улетел в другой город. Они никогда не были особенно близки именно в личном плане. Но сейчас Владислав понял, что не мог вспомнить её лица. Совсем.

– Да, всё верно, – он попытался ответить Индире в тон, сводя всё в какую-то странную шутку.

– Мужики, – Индира осуждающе покачала головой, всем своим выражением лица показывая, что она об этом всё думала.

– А вот и не поэтому, – поспешил добавить Владислав. – Я с ней встречался, потому что помимо того, что она была красивая, мне все завидовали. Даже скорее так: я с ней встречался, *чтобы мне все завидовали.*

Индира не смогла выбрать, что она хотела сделать: осуждающе фыркнуть или рассмеяться. Поэтому звук, который всё-таки вырвался, вышел по-настоящему странным. Но в том была доля правды: Владислав не хотел, *чтобы ему завидовали*, он тогда ещё *искренне верил*, что, если получит всё, чему люди обычно завидовали – то обязательно, наконец, станет счастливым.

Они продолжали брести вдоль улицы в попытке найти хоть что-нибудь. Индира ещё раз набрала свою мать, но та по-прежнему не брала трубку.

– Понятно всё с тобой, замечательный ты наш, – наконец сказала Индира, повесив трубку. Она обернулась и посмотрела на Владислава, и он лишь развёл руками.

– Так ты расскажи своим посетительницам, какой ты мерзавец. Толпа бегающих за тобой станет наполовину меньше.

– Кому-то, наоборот, нравятся мерзавцы, – заметил Владислав.

– Вот ровно на ту половину меньше и станет, я только что сказала то же самое, – Индира покачала головой.

Она всматривалась куда-то вперёд, особенно внимательно задержалась на пустой лавочке между деревьев. Видимо, там был тот, кого Владислав видеть не мог. Потому что больно подозрительно она замедлила шаг и смотрела именно туда.

– Слушай, – они пошли дальше, и это был очень подходящий момент, чтобы спросить, – а ты вокруг меня не замечала ничего, ну, странного?

– Если ты напрашиваешься на комплименты, то от меня их не дождёшься, даже если сделаешь что-то по-настоящему невероятное, – безразлично ответила Индира.

– Нет, я спрашиваю даже не про себя в целом, а вокруг меня. И не хорошего, а *странного*. Я спрашиваю потому, что ты можешь видеть то, чего я не могу. Я не могу, но мне постоянно кажется, что рядом со мной есть кто-то ещё.

Владислав немного соврал, но не объяснять же Индире посреди улицы, что он уже не первый год видел в зеркале не своё отражение. Даже так, это всё-таки было его отражение, но оно скалилось в ответ, привычное лицо искажалось эмоциями, которые Владислав никогда не испытывал. Иногда искажалось и само лицо, но он видел его везде, во всём, что могло отражать, даже, например, вон в том чистом стекле машины.

– Нет.

Но Индира даже не обернулась, чтобы присмотреться. Она, конечно, его много раз видела, но, может, стоило посмотреть снова, хотя бы окинуть его ещё одним взглядом, а Индира даже не стала оборачиваться. Владислав продолжил.

– Владимир Георгиевич ничего не заметил, дедушка тоже не посчитал, что есть что-то странное, Савельич...

Услышав именно это имя, Индира наигранно закатила глаза и глухо простонала.

– Нашёл кого спросить, – но после этого она остановилась и обернулась.

Она даже прищурилась, очень медленно осмотрев Владислава с макушки до кроссовок. Владислав уже обращал внимание, что Индира особенно не ладит с Савельичем. В прошлый раз, когда тот спустился в кофейню, а Индира сидела там с Машей, то, заметив Савельича, Индира просто встала и вышла, оставляя на столике недопитую чашку кофе. А в другой раз они о чём-то поругались, когда пересеклись на крыльце, но как только Владислав появился, Индира снова ушла. Тогда её подруга Маша пыталась их как-то растащить, но в итоге за кофе она пошла одна, правда, прихватив второй стаканчик с собой.

Но сейчас, что бы ни произошло между Индирой и Савельичем, это играло Владиславу на руку. Потому что Индира явно настолько внимательно осмотрела его только потому, что он упомянул Савельича. У Савельича не получилось, или Савельич просто не ответил – судя по выражению лица Индиры, она хотела доказать, что *он ошибся*. В любом случае ошибся.

– Нет, – через минуту сказала Индира. Развернулась и пошла дальше. – Человек, ничего подозрительного, ничего странного. Ты обычный человек.

– Наверное, стоит Василису спросить, – вздохнул Владислав, пытаясь догнать девушку.

– Какую Василису?

– Ты встречала Владимира Георгиевича? Он часто курит трубку на крыльце, иногда один, иногда вместе с домовыми, – Владислав чуть было не добавил «чаще всего с Савельичем», но в последний момент передумал, – я вместе с ним пополам владею тем домом, где мы все живём.

– Я с ним лично не знакома, но несколько раз видела, – сказала Индира. – Он ещё иногда сидит на крыльце и вырезает какие-то то ли деревянные игрушки, то ли просто деревянные детали.

Владислав закивал.

– Да, это он. Так вот у Владимира Георгиевича есть два внука, Роман и Андрей. Второго Владимир Георгиевич почему-то зовёт Андре, но мой дедушка всегда говорит Андрей, но неважно, не о нём сейчас. Рома живёт в области, севернее Архангельска. Буквально в избушке посреди нигде, вместе с Василисой.

Владислав осёкся, понимая, что то же самое можно было бы объяснить намного проще. Василиса была дочерью Тимофея Матвеевича, вылечить которого пыталась мать Индиры. Тогда почему Индира не знала, кто такая Василиса?

– Она ещё дочь Тимофея Матвеевича, – продолжил Владислав. – Неужели ты её никогда не встречала?

Индира ответила не сразу, а потом пожала плечами.

– Ведьма, к тому же мёртвая, как и её отец, – сказала она. – Встречала, только и её имя не спрашивала. А если она его и называла, то я не посчитала важным для себя это запоминать.

– То есть я должен быть счастлив, что ты запомнила моё имя? – не удержался и усмехнулся Владислав.

Индира фыркнула.

– Ещё бы его не запомнить, мне тобой первый месяц всё отделение уши прожужжало. Куда в больнице ни пойдёшь, все судачили про тебя да про кофейню, одна Маша упомянула твоё имя столько раз, что у меня не осталось шансов его забыть.

Кажется, Владислав недооценил, насколько много посетительниц заходило к нему не только за кофе, но и чтобы пофлиртовать с баристой-владельцем.

– Если она ничего не увидит, значит, никто мёртвый к тебе не прилип. Я намного лучше вижу живую нечисть, и её вокруг тебя нет. Поэтому это ты всё выдумываешь, можешь спать спокойно.

Индира отмахнулась, а Владислав не мог. Они как раз проходили мимо магазина со стеклянными витринами. Он занимал первый этаж здания, который стоял аж через дорогу, но привычные гнетущие очертания Владислав всё равно увидел. Просто почему-то, кроме него, их не видел больше никто.

– Вы только посмотрите на него, – раздалось у них за спиной, – *а можно мне всех посмотреть*, а в итоге выбрал самую вредную.

Владислав обернулся, к своему удивлению обнаружив неподалёку от них Розу Семёновну. Старушка добродушно посмеивалась, не скрывая, кто именно стал причиной её веселья. Что-то подсказывало Владиславу, что можно было бы и притвориться, будто он обиделся, но он пока не понимал, на что или почему. А вот Индира, судя по всему, догадалась быстрее.

– У меня характер тоже не сахар, – продолжила Роза Семёновна, сделав такой характерный жест, будто она прихорашивалась, но на самом деле она даже не прикоснулась к своим волосам.

Роза Семёновна всегда заплетала свои длинные седые волосы в косу. Но это никогда не была простая причёска. Иногда она оборачивала косу вокруг головы, иногда перебрасывала вперёд через плечо, а в другой раз в её волосах можно было рассмотреть и несколько маленьких косичек, которые огибали её причёску. Но всегда выглядела Роза Семёновна просто безупречно, из её причёски не выбивалось ни волоска, даже если бы ей и пошла определённая небрежность. Роза Семёновна всегда выглядела очень аккуратно, вот и сейчас, она только изобразила, будто прихорашивалась, а сама даже не прикоснулась к своим волосам.

Владислав посмотрел на Индиру, которая, хоть уже и доела свою шаурму, но по-прежнему несла в руках прозрачный целлофановый пакетик с перепачканной в соусе салфеткой внутри. В другой руке у неё была бутылка лимонада. Владислав посмотрел на себя, отмечая, что сам несёт такой же грязный целлофановый пакетик с последними кусочками шаурмы. А во второй руке у Владислава был ровно точно такой же лимонад. Так что, если посмотреть на них со стороны, то было очевидно, что они были в одном и том же заведении. Теперь они бродили по набережной, хоть и не за руку, но довольно близко друг от друга.

До Владислава медленно доходило, что Роза Семёновна так намекала, что Владислав если ещё и не встречался с Индирой, то точно позвал её сегодня на свидание, поэтому они здесь вместе и гуляют. А ещё он точно не оценивал всех посетительниц, которые с ним заигрывали, или ему точно стоило присмотреться получше.

Однако Владислав понял это всё недостаточно быстро, и за это время Индира несколько раз могла бы успеть и поправить, и обидеться, и огрызнуться, и сделать хоть что-нибудь! Но Индира продолжала молчать, она просто смотрела на Розу Семёновну, а вернее, на то, что было у неё на плече. Одной рукой Роза Семёновна придерживала ворот бордового пальто. Со стороны могло показаться, что и второй рукой она придерживает элемент своего наряда. На ней был тонкий шарф с огромной брошью. Ну если задуматься, то второй рукой она будто поддерживала кого-то, кто сидел у неё на плече, а если и не держала сама по себе, то явно поймала бы, подстраховывала, если бы кто-то решил с него упасть. Обычный прохожий скорее бы подумал, что она всего лишь поправляла свою брошь.

– Вот, нашла твоего друга, – сказала Роза Семёновна, замечая взгляд Владислава.

Владислав по-прежнему не мог видеть, но теперь был абсолютно уверен, что на плече у ведьмы сидел Евфимий. Именно на него и смотрела Индира, хотя её реакцию он всё равно не понимал.

Роза Семёновна подхватила Евфимия со своего плеча, как подняли бы, например, куклу или котёнка. Владислав хотел возразить, что не сможет его взять. Они уже пробовали, даже

если Владислав мог слышать, как домовый приоткрыл дверь, или краем глаза замечать тень движения, то потрогать, даже когда он абсолютно точно знал, в каком месте замер домовый – потрогать его он всё равно не мог.

С другой стороны, Роза Семёновна, как ведьма, должна была это отлично понимать. Но вперёд шагнула Индира, она расстегнула куртку и, видимо, посадила Евфимия в большой внутренний карман. Происходящее всё больше и больше напоминало Владиславу, будто они только что купили на блошином рынке котёнка. Он уже давно таких не встречал, но помнил из детства, тогда они прошли мимо. В их доме никогда не было животных.

– Пойдём, – Индира ухватила за его рукав и резко потянула, – его нужно вернуть домой.

Владислав только выдохнул, они нашли Евфимия, с ним, кажется, всё было в порядке. Поэтому он не понимал, куда Индира так спешила. Разве что по тем самым делам, которые у неё были изначально. Она и так с ним потеряла очень много времени, и, должно быть, куда-то опоздала.

– Спасибо, – сказал Владислав Розе Семёновне.

Может, Индира поэтому и со старушкой спорить не стала, что у них не свидание, потому что это был самый быстрый способ от неё уйти.

– Ты молодец, что вернул, – подмигнула Роза Семёновна, указывая на ту самую серёжку, которую она надела. – Только в следующий раз его одного не пускай. Вообще, ваш народ не очень жалуют, такой уж народец. У каждого свой дом, и к соседям в гости не ходят. Этот, к тому же, совсем не ваш. Его наши совсем не жалуют.

Они распрощались с Розой Семёновной. Владислав подумал, может, стоило всё-таки спросить, в каком доме она живёт. Но к слову не пришлось, да и Владиславу больше ни к чему была эта информация. Мало ли, как она могла отреагировать. Владислав понятия не имел, стоило ли интересоваться личным пространством пожилой ведьмы. Причём против него здесь могли сыграть сразу оба фактора: «пожилая» (мнительная) и «ведьма» (ну, тоже недоверчивая).

В общем, Владислав не спросил, а Индира и вовсе ушла вперёд. Она не бежала, но шла очень быстро, широкими шагами, так что Владислав не сразу её догнал.

К дому на Чумбаровке они вернулись в относительной тишине. С Индирой было тяжело заговорить, если она сама того не хотела. Это самое «хотела» появлялось у неё эпизодически, Владислав сколько ни старался, но по какому принципу, понять так и не смог. Он только несколько раз поймал себя на мысли, что ещё охотнее готов был с ней подружиться. Наверное, это даже было как-то неправильно. Индира отталкивала всех от себя, она даже с Розой Семёновной, хоть и вела себя нарочито вежливо, но сказала ведьме всего два слова: «Здравствуйте» и «До свидания», после чего поспешила уйти.

Была определённая ирония в том, что манера разговаривать Индиры, эта манера оттолкнуть всех от себя, наоборот, привлекла Владислава. Она, хотя бы, не притворялась, в итоге решил он для себя. Даже если и притворялась, то только для того, чтобы оттолкнуть от себя людей – она не притворялась в том самом «хорошем» плане, от которого так устал Владислав. Теперь это ощущалось будто в прошлой жизни, когда люди пытались ему понравиться, они притворялись хорошими. Когда девушки с ним заигрывали, они притворялись другими. Индира, может, даже если и притворялась агрессивной и заносчивой, то она это делала с какой-то своей целью, которой Владислав не понимал, но вполне одобрял. Кто знает, может, у неё, так же как и у него сейчас, просто не было сил на других людей. Правда, если у Владислава не было сил любить, ухаживать за девушкой, но с кем-нибудь подружиться он был вполне готов, то, может, у Индиры не было и на это.

Под конец пути Владислав бросил все попытки заговорить с Индирой. Он молчал и шёл рядом, иногда поглядывал в её сторону, рассматривал черты, пытался понять. Ничего не получалось, да и невозможно понять, что творится в голове у человека, смотря на его внешность.

У Индиры, конечно, было очень выразительное лицо, и её эмоции буквально отражались в мимике, их не скрывали и жесты... Но не сейчас.

Где-то полчаса спустя они уже были на пороге кофейни.

– Почему ты настолько спешишь? – всё-таки спросил Владислав.

Индира покачала головой, а потом очень криво усмехнулась.

– Спроси у Савельича, старый хрыч много чего знает, если убедишь его не врать тебе в лицо.

Индира наклонилась, сделала движение, достала Евфимия из-под куртки и посадила его на порог, Владислав как раз отвернулся и краем глаза заметил, как приоткрылась и закрылась дверь дома.

– Спасибо, – крикнул Владислав ей вслед, потому что Индира успела уйти вперёд.

Она остановилась, обернулась и покачала головой. После чего ткнула в Владислава пальцем.

– Будешь должен, – бросила она, отвернулась обратно, снова убрала руки в карманы и поспешила вперёд.

Владислав задумался, хотя ненадолго. Видимо, ему стоило поговорить с дедушкой, потому что он всё чаще попадал в ситуации, где просто не знал, как правильно вести себя с нечистой. Согласно любому западному фильму, правда, там была не нечисть, а фэйри – так вот с фэйри никаких сделок заключать не стоило. Главные герои обычно так поступали, и это потом для них плохо заканчивалось. Или сказки, где герои обещали фэйри своего первого ребёнка. Ничего подобного Индира не просила. Но даже обычному человеку было опасно задолжать не пойми что, чтобы с тебя потом могли спросить в любой неподходящий момент.

Индира уже ушла, возле кофейни, на двери которой висела табличка «закрыто», стояли знакомые Владиславу люди, поэтому он решил не торчать на крыльце и зашёл внутрь дома. Остаток дня обещал быть нелёгким.

Эпизод 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.